

ЖИТИЙНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОВЕСТИ И. С. ШМЕЛЕВА "НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША"

У И. С. Шмелева пристрастие к древнерусской словесности особенно ярко проявляется в конце 10-х годов XX века, когда он создает повесть "Неупиваемая Чаша" (1918). В этот период писатель отходит от политики, от общественной деятельности. Неприятие происходящего обостряет религиозное чувство художника, заставляет его обратиться к прошлому, к стародавней Руси. В результате "Неупиваемая Чаша" наполняется многими чертами жития. С этой литературной формой И. Шмелев познакомился еще ребенком: жития православных святых были настольным чтением в его семье. Писатель вовсе не подражает житийной традиции, а творчески ее переосмысливает. Повесть включает в себя многие формальные черты жития, но содержание ее - глубоко религиозное по сути - расходится с житийными канонами.

С житием повесть И. Шмелева роднят основные мотивы: избранничество, святость, искушение, плавание по большому морю жизни, мученичество. Все они непосредственно связаны с главным героем "повести-жития" Ильей Шароновым. Илья напоминает традиционных православных святых. В детстве он тих, скромн, усерден в учении, как Святой Макарий ("Житие митрополита Московского и всея Руси Макария"). Уже в раннем возрасте он носит печать богоизбранности ("Благодать Божия на нем"), дивного таланта, как Николай Чудотворец ("Житие Николая Чудотворца, Святителя Божия"). Илья выделяется и своей прекрасной внешностью, как Святой Пантелеймон ("Житие Святого великомученика Пантелеймона"). Подобно герою житийной литературы, Илье Шаронову посылаются "тонкие сны" (белое видение, видение кораблей, видение "глаз в полнеба"), указания, знаки (встреча с "хроменьким старичком", название корабля). Как православный святой, Илья способен сам творить чудеса (смерть старого барина, создание "живых" чудотворных икон).

Герои "Неупиваемой Чаши" строго поделены на положительных (Арефий, Анастасия, Илья Шаронов) и отрицательных (Зойка-цыганка, Жеребец, Терминелли). В создании образов Шмелев в соответствии с житийными канонами почти не допускает полутонов. Показательно, что отрицательные персонажи повести-жития выполняют

лишь одну функцию: искушают главного героя. Испытание - одно из основных испытаний святых. С ним почти всегда связан мотив тройственности. И цыганка Зоя, и итальянский мастер Терминелли соблазняют Илью трижды (цифра "три" священна по церковному обычаю). Традиционно святого искушают только дьявол и его войско, а не обыкновенные люди. Однако и тут Шмелев в целом не отклоняется от особенностей житийных писаний: цыганка наделена приметами нечистой силы (темная, по-кошачьи визжит, способна исчезать).

Не только символика чисел, но и цветовая символика совпадает в произведении И. Шмелева с житийной традицией. От святых мест, от духовных людей исходит сияние, свет. Все, связанное с ними, окрашено в белый цвет (белые церковь, сад, голуби, собака, одежды, цветы и т.д.). Реже представлены другие иконописные цвета, характерные для традиционных житий: золотой, красный, зеленый, синий (полутонов нет). Проявления зла окрашены черным (черные окна барского дома, черная буря, черная цыганка).

Внутренней жизни святых во многих житиях уделяется очень мало внимания, потому что никаких терзаний, сомнений, противоречий в душе их быть не может. У Ильи Шаронова они есть. Если в начале произведения Шмелев, характеризуя внутреннее состояние героя, употребляет в основном слово "радость" ("радовался на все Илья), то потом он находит более точную формулу: "радость-мука". Причем мука исходит не от злых людей или нечистой силы (как в традиционных житиях). Она заключена в самом Шаронове: сначала в тревожном поиске "живого огня, что сладостно опаляет и возносит душу", а потом - в трагической попытке слить неслиянные земное и небесное начала в мире. Поиск "живого огня" для Ильи - это поиск Божьей Красоты, Божьего Вдохновения. Герой их находит, полюбив, что принципиально невозможно в житии. Именно любовь к женщине оказывается для Ильи Шаронова источником истинного творчества, которое носит божественный характер.

Как и в житийных произведениях Древней Руси, в повести Шмелева земное и небесное, телесное и плотское четко разведены. Трагедия Ильи Шаронова заключается в том, что он тщетно пытается их соединить. Илья живет не по будничным, "трезводневым" законам, а по законам "созерцающего постижения" (И. А. Ильин): в сокровенных предчувствиях, помыслах, видениях. Его реальность - это религиозные образы. Герой пытается быть поднят до высоты небесного бытия. Попытки слить их (например, рисование святых, похожих на знакомых деревенских мужиков) осуждаются. И полюбив Анастасию, Илья не

оставляет желания прозаическое превратить в сокровенное. Он творит из любимой женщины святую не только в своем воображении, но и в глазах окружающих. В связи с образом Анастасии проявляются мотивы искушения, испытания. Илья должен преодолеть физическое влечение к ней, ведь плотская любовь бескрыла. Умертвив в себе похоть, Илья Шаронов умирает сам.

Как правило, жития заканчиваются чудесами у гроба святого (исцеление убогих, бесноватых, утешение печальных, явление в "тонких снах"). Чудеса в повести Шмелева творит икона, оставленная мастером. Неупиваемая Чаша - символ страданий Ильи и Анастасии - становится радостью для верующих, обращающихся к ней за помощью.

Творческое переосмысление традиций древнерусской литературы (жанр жития) вызвало к жизни один из самых чистых и грустных образов русской литературы - "святого" Илью Шаронова - героя повести-жития И. С. Шмелева "Неупиваемая Чаша".

Е. С. Тимофеева
Казань

ТРАДИЦИИ ГОГОЛЕВСКОГО СТИЛЯ В ПРОЗЕ А. БЕЛОГО И В. АКСЕНОВА

В монографии "Мастерство Гоголя" (1934) А. Белый определяет некоторые особенности гоголевского стиля. Главной отличительной чертой прозы Гоголя, по мнению Белого, является использование в ней поэтико-лирических элементов, превращение обычной прозы в прозу-поэзию. Поэтико-лирические элементы являются характерной чертой прозы самого А. Белого, написавшего о себе так: "Моя проза - совсем не проза, она - поэма в стихах".

Американский ученый П. Далгард в 1985 году делает попытку включить творчество В. Аксенова в литературную традицию Гоголя - Белого, подчеркивая некоторые сходства литературного стиля А. Белого и В. Аксенова. Попытаемся выделить те поэтические находки, которые позволяют говорить о стиле "прозы-поэзии" в произведениях А. Белого и В. Аксенова: использование в текстах тройного повтора слов или их сочетаний, о котором Белый говорит как о заимствованном у Гоголя; скопление слов одной части речи - существительных, глаголов или прилагательных; ритмичность прозы, основанная на игре слов, повторах, рифмовании; игра со звуком.

Произведения как А. Белого, так и В. Аксенова часто содержат звучный лейтмотив. Для прозы обоих рассматриваемых писателей